Дб
380
ф-49

Фигнер В.
Процесс
"50-ти"
1877 г.
М., 1927.

ДБ
389
Ф 4

В. Н. ФИГНЕР

ПРОЦЕСС „50-ТИ“

1877 г.

140

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА — 1927

90728
16

9 ЮЯ 1937.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ РЕВОЛ. ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ
ЖУРНАЛА «КАТОРГА и ССЫЛКА»

27 г. № 6

В. Н. ФИГНЕР

9:323.2(47)"187"
49

ПРОЦЕСС „50-ти“

1877 г.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 90728
116

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1927

Главлит № 93.235
Тираж 7.000 экз.
Заказ № 1708

ГОСУДАР[illegible]Б. ПУБЛИЧНАЯ
[illegible]НЕСКАЯ
БИБ[illegible]КА РСФСР

90728/16

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ [illegible]ПРОФСОЮЗЫ

Петр Алексеев.

Лидия Фигнер.

При самодержавии политические процессы имели громадное агитационное значение. Отчеты в газетах, хотя и неполные, были единственным источником, который знакомил широкие круги читателей с идеями и ходом революционного движения и с личностью тех, кого правительство преследовало и карало, как врагов существующего экономического и политического строя. Подсудимые не скрывали своих убеждений, но открыто провозглашали их перед судьями. Они обличали все непорядки русской жизни: эксплоатацию народа государственной властью и привилегированными сословиями, полицейские стеснения, угнетающие все население, и излагали революционные программы, ведя таким образом пропаганду через головы судей.

Быть может, из всех десятилетий революционного движения ни одно не было так богато политическими процессами и не волновало так молодежь, как 70-ые годы.

После процесса нечаевцев в 1871 г., имевшего в некоторых отношениях отрицательное значение, благодаря убийству Иванова и мистификациям, которые были одним из приемов Нечаева, в Петербурге происходил разбор целого ряда крупных и мелких политических дел: в 1874 г. — долгушинцев (13 чел.); в 75 г. — Дьякова, Сирякова (6 чел.);

в 76-м — Семяновского (7 чел.); в 77-м — дело о демонстрации на Казанской площади (подсудимых 21); в том же году дело «50-ти»; процесс «Южно-Российского Союза Рабочих», основанного Заславским (подсудимых 15); 7 мелких процессов, и, наконец, с ноября того же года началось разбирательство дела «193-х», продолжавшееся целых два месяца. Таким образом, все десятилетие непрерывным потоком шли волнующие известия из залы заседаний особого присутствия сената на Литейном проспекте. Правительство, не ведая, что творило, постаралось сгустить впечатления, сосредоточив все суды о пропаганде в народе, происходившей по всей земле русской, в центре страны, Петербурге, с его массой учащихся и средоточием интеллигенции. Это, можно сказать, было благодатным дождем на поле деятельности революционных организаций. Уже в 1876 г. осенью, после разгрома социально-революционных сил предыдущих годов, сложилось тайное общество «Земля и Воля», и ко времени разбора дела «50-ти» существовала тайная типография Аверкиева, дававшая возможность печатать речи подсудимых и листки, во множестве распространявшиеся в публике и сильно поднимавшие настроение молодежи.

Из этих процессов, если на этот раз ограничиться моими личными впечатлениями, самым ярким и вызвавшим единодушное сочувствие во всех слоях общества — от рабочих и до верхов — был процесс «50-ти».

Особенностью его, возбуждавшей общее внимание, было обилие женщин, преданных суду. Их было 16 — все молодые, в возрасте от 21—25 лет. 11[1] из них были цюрихскими студентками, кото-

---

[1] 12-ая—Бетя Каминская заболела в тюрьме психически и не была судима.

рые в 72 г. отправились со всех концов России в Швейцарию учиться в университете за невозможностью получить высшее образование на родине. За исключением С. Бардиной, желавшей сделаться агрономом, все остальные — В. Александрова, Л. Фигнер, А. Топоркова, две Любатович, Е. Туманова, Хоржевская и три Субботиных — поступили на медицинский факультет, имея целью служить народу. 5 других женщин были привлечены к суду за революционные сношения с этим ядром, составлявшим центральную, наиболее интересную группу процесса (это были: В. Батюшкова, Геся Гельфман, Медведева, Введенская и Георгиевская). Другой особенностью было участие в революционной организации группы рабочих, в которой находились такие выдающиеся люди, как Петр Алексеев, Филат Егоров, Семен Агапов и Николай Васильев. Всего же важнее было то, что это было первое дело по «хождению в народ».

Для понимания процесса, внутреняя сторона которого осталась невскрытой на суде, необходимо сказать о той организации, к которой принадлежала половина подсудимых, так как остальные были привлечены к делу усилиями жандармов и членами организации не состояли, хотя в сношениях с нею находились. Первоначально восемь человек из названной группы студенток, вскоре по приезде в Цюрих, составили кружок[1] для изучения тех явлений европейской жизни, которые били в глаза всей многочисленной колонии учащихся, прибывавших из России. Это было—широкое развитие рабочего движения во всех странах Запада, Интернационал с его конгрессами,

---

[1] В нем была Бетя Каминская, а также студентка Аптекман, а позже и я. Топоркова, Туманова и Хоржевская примкнули к кружку уже в России.

отклики потопленной в крови Парижской Коммуны, проповедь социализма, впервые дошедшая до ушей молодых провинциалок. Кружок задался целью изучить теорию французских социалистов в хронологическом порядке, произведения Лассаля и его деятельность в Германии; историю народных движений в Германии и др. странах, включая и Россию, и наконец, все революции, какие известны в истории. Обильная рабочая пресса того времени была распределена между членами для докладов обо всем, происходящем в рабочем мире. Большая русская библиотека, основанная в Цюрихе еще в 1870 году, давала для подобной работы весь нужный материал. Окружающая жизнь, события в области рабочего движения и Интернационал, разделившийся после Гаагского конгресса, развитие анархической части его под влиянием Бакунина направили мысль членов кружка на задачи, которые должны быть поставлены ими для будущей деятельности в России, и кружок преобразовался в революционную организацию с уставом по образцу секций Интернационала. Уж не служение народу в качестве врачей, а перенесение социалистических идей в его среду стало целью жизни. Увлекаясь учением Бакунина и отчасти под влиянием журнала Лаврова «Вперед», большинство членов решило оставить университет и вернуться на родину для ведения социалистической пропаганды в народе, при чем, согласно с идеями того времени о святости физического труда, который никого не эксплоатирует, но сам эксплоатируется всеми, было постановлено, что пропагандист должен занимать положение рабочего.

Осенью 74 г. члены кружка, носившего название «фричи» от фамилии хозяйки квартиры, в которой жили некоторые из них, возвратились в Россию, предварительно сговорившись с 3-мя кавказ-

цами, находившимися тогда за границей и вполне единодушными с ними (Джабадари, Чекоидзе и князем Цициановым), с'ехаться в Москве для окончательной выработки общей программы и устава организации.

По приезде в Россию, по разным причинам «фричи» выбрали своим местопребыванием Москву, почему их организация впоследствии именовалась «московской». Каминская, Ольга Любатович, Бардина и Л. Фигнер поступили работницами на разные фабрики Москвы; для пропаганды на других фабриках из Петербурга были привлечены рабочие, затронутые пропагандой чайковцев: Петр Алексеев и его брат, Яков Потапов [1], Василий Грязнов, И. Союзов и двое интеллигентов, близких кружку чайковцев: Александр Лукашевич и Грачевский [2]. Рабочие вели пропаганду на фабриках, на которых работали; интеллигенты заводили знакомства по трактирам и на квартире, специально для этого устроенной. По воспоминаниям Джабадари, деятельность группы охватывала 20 московских фабрик. Обвинительный акт упоминал 8: ткацкая фабрика Шибаева, Горячева, Носова, Тюляевых, Соколова, Лазарева, Рошфор, Моисеева. Джабадари называет, кроме того, фабрику Альберта, Тютчева, Гюбнера, и «другие», прибавляет он. Пропаганда велась, по его словам, также в мастерских Курско-Харьковской ж. д. и в столярных, слесарных и кузнечных мастерских г. Москвы. Для этой пропаганды был организован основной рабочий кружок из 10 человек, в который, кроме уже названных 5 рабочих и 2 интеллигентов, входили рабочие: братья Бариновы

---

[1] Судившийся в 77 г. по Казанской демонстрации.

[2] Будущий шлиссельбуржец; судился по процессу «193-х»; а в 1882 г.—по делу «Народной Воли».

и опытный ткач Николай Васильев[1]. Члены кружка отличались действенностью, и работа началась тотчас по возвращении в Россию — до условленного с'езда, который состоялся лишь в феврале 1875 г. На с'езде присутствовали: Софья Бардина, Б. Каминская, Лидия Фигнер, О. и В. Любатович, Варвара Александрова, Евгения Субботина и Хоржевская; из мужчин: Джабадари, Чекоидзе, Александр Лукашевич, Иван Жуков; рабочие: Петр Алексеев, Филат Егоров, Николай Васильев, Иван Баринов и Вас. Грязнов. Всего 17 человек. Несколько человек по разным причинам отсутствовали.

В противоположность кружку чайковцев, которым П. Кропоткин представил записку о будущем строе, «москвичи» отказывались от каких-либо планов в этом отношении и ограничились декларативным заявлением, что они социалисты, а в политической области требуют свободы слова, собраний, союзов, равенства всех перед законом и пр. В прениях по этому поводу говорилось, что это необходимо в видах об'единения всех социалистических групп, что нет расчета выдвигать то, что может раз'единять их, а в текущее время практического значения не имеет.

«Нас не столько интересует вопрос о будущем, заявляли присутствующие, сколько то положение, в которое каждый из нас должен встать, отдавая себя на революционную деятельность».

«В этой деятельности, продолжали они, мы должны стремиться осуществить на деле самые строгие нравственные начала[2], которые должны руково-

[1] См. «Процесс 50» (Всероссийская Социально-револ. организация 74—77 г.г.). И. С. Джабадари. Журнал «Былое». Октябрь.

[2] Цитата взята у Джабадари. Журнал «Былое». Октябрь. 1907 г. Курсив везде мой.

дить как деятельностью членов организации, так и воздействовать на массу, с которой приходят в прикосновение члены организации, хорошо понимая, что только нравственный идеал может освещать наш путь и привлекать сердца, ищущие правды. Словом, до момента революции мы хотим словом, делом и всем образом жизни расположить к себе не только революционеров, но и широкую индиферентную массу, а может быть и врагов своих».

Это заявление чрезвычайно характерно для настроения судившихся по делу «50-ти» и вполне соответствует духу времени, о котором Желябов на суде говорил, как о «розовом» периоде революционного движения. Тогда и песней, наиболее любимой и всего чаще раздававшейся на улицах Цюриха, было стихотворение Плещеева: «Вперед! без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья!»—третий куплет которого гласит:

«Провозглашать *любви* ученье»...
Мы будем нищим, богачам!
И за него снесем гоненье,
Простив озлобленным врагам!

Замыслы организации были обширные: она даже назвала себя «всероссийской» [1].

Попрежнему, при протесте некоторых членов, находивших, что форма рабочего для пропагандиста не должна быть обязательной, — большинство приняло это за правило: исключения допускались лишь по решению общины. Для ведения общих дел была выбрана «администрация»; местопребыванием ее назначена Москва. Члены адмони-

[1] Программа была взята при аресте Здановича и читалась на суде.

страции, чтоб не отрываться от масс, сменялись каждый месяц другими членами. Было постановлено, что все остальные члены должны раз'ехаться: одни, в числе пяти, тотчас отправлялись в Иваново-Вознесенск, другие должны были поехать в Тулу, Серпухов, Шую, Киев и Одессу. Главным орудием пропаганды считалась нелегальная литература: переложение «История одного крестьянина» Эркмана Шатриана, «Сказка о 4 братьях» (Тихомирова), «Хитрая Механика» (Варвара), «Чтой-то, братцы», «Сборник новых стихов и песен», «Емелька Пугачев», «О мученике Николае», «Бог-то бог, да сам не будь плох» и т. д.; полулегальные: «Дедушка Егор» (Цебриковой), рассказы Наумова «Безоброчный», «Мирской учет» и пр. Издававшуюся в Женеве газету «Работник» организация решила поддерживать, как свой орган, хотя газета печаталась Лазарем Гольденбергом, заведывавшим типографией, несколько лет назад заведенной чайковцами [1].

Организация считала среду городских рабочих средой, наиболее подходящей для социалистической пропаганды, но не по тем мотивам, которыми впоследствии руководилась наша социал-демократия. Классовая точка зрения совершенно отсутствовала у членов московской организации. Она обращала свои взоры на деревню и думала опираться на крестьянство (как это было со всеми социалистами-пропагандистами и даже землевольцами), и рабочие являлись для них лишь посредствующим звеном для проведения социалистических и революционных идей в деревню. Рабочие

[1] В мою бытность в Швейцарии (я была членом кружка, но оставалась в Швейцарии до декабря 1875 г.) редакторами были Эльсниц и Ралли, а когда приехали в качестве временных эмигрантов Морозов и Саблин, то и они сотрудничали и редактировали это издание.

того времени не составляли сплоченного класса, каким они были в Европе; тесно связанные с деревней, они представляли собой тех же крестьян, недавно оторванных от земли и мечтающих о земле; во множестве они уезжали на праздники в родные деревни, заполняя вагоны поездов, шедших из Петербурга и Москвы; другие отлучались на сезонные полевые работы в свои семьи. Они кочевали, то приливая, то отливая из столиц, и еще в 90-х г. г. в «Вестнике Финансов» отмечалось это явление и слышались жалобы фабрикантов на невозможность иметь постоянный состав рабочих, последствием чего было отсутствие квалифицированных мастеров своего дела. Но это кочевание как-раз было для московской организации благоприятным условием для пропаганды среди крестьян, через ра'езжавшихся рабочих, которые в изобилии снабжались литературой. Самим же устраиваться в деревне в демократической форме трудящихся представлялось членам организации невозможным.

Вся программа носила бакунинский характер. Ниспровержение существующего строя имело целью водворение «свободной федерации свободных общин». Средством, кроме пропаганды словом, ставилось возбуждение бунтов. Существовал и пункт о конфискации материальных средств государства, введенный по настоянию рабочих, по мотиву, что богатство казначейств создано трудом их же рук[1].

---

[1] Пропаганда словом была организацией осуществлена, но бунтов и конфискаций она не осуществила. Интересно, что, по свидетельству Джабадари и устному рассказу Евг. Субботиной, рабочие не находили удовлетворения в пропаганде словом и настаивали на переходе к делу, которое они понимали, как поднятие бунта. То же пишет и М. Попов в своих воспоминаниях о встречах в Ростове-на-Дону.

Особенностью устава, кроме требования демократической формы для пропагандиста, было требование непременного участия рабочих в организации, отрицание какой бы то ни было иерархии, требование полной равноправности членов, исключение всякого командования. Он был пропитан духом товарищеской солидарности, полного доверия во взаимных отношениях и полного самоотречения в пользу революционного дела. Отрицалось право частной собственности членов, а аскетизм того времени шел так далеко, особенно среди женщин, что при обсуждении устава они внесли пункт об обязательности безбрачия[1]. Против этого горячо восстали мужчины, и пункт не был принят.

Но прежде чем, покончив с организационными и программными вопросами, раз'ехаться по провинциальным городам, молодая организация испытала громадное несчастье: после ареста рабочего Николая Васильева его жена Дарья Скворцова указала полиции квартиру, которая служила сборным пунктом членов, и 4 апреля 75 года на этой квартире были застигнуты врасплох и арестованы: Каминская, Бардина, Джабадари, Лукашевич, Чекоидзе, Георгиевский и рабочие: Петр Алексеев, Пафнутий Николаев и С. Агапов—9 человек! Это был настоящий крах, после которого в августе организация была добита. 12-го августа были арестованы Вера Любатович и Цицианов, заведывавшие администрацией, при чем Цицианов

---

[1] Это не помешало агентам правительства, в виду того, что на некоторых квартирах жили члены организации обоего пола, задумать в Доме предвар. заключ. медицинский осмотр женщин. Отпор, вызванный этим намерением, был таков, что сделать этого не решились. См. мою заметку в «Недрах» № 4 по поводу перепи.ки И. С. Тургенева с его переводчиком, англичанином Рольстоном.

Георгий Зданович.

Михаил Грачевский.

оказал вооруженное сопротивление—первое в период 70-х г.г. В Туле, по доносу рабочего Ковалева, арестованы: О. Любатович и крупный пропагандист Злобин, находившийся с ней в сношениях, а в Иванове-Вознесенске взято сразу 5 человек: А. Топоркова, Л. Фигнер, В. Александрова, Ек. Туманова (по фиктивному браку Гамкрелидзе) и Вл. Александров; в Одессе — Хоржевская. В разное время были переловлены и лица, близко стоявшие к организации: в Киеве — Гельфман и Медведева; в Москве — Введенская и Георгиевская. Арест одних давал новый маневр для привлечения к следствию других. Так в конце-концов были взяты все члены организации (три Субботины [1], Зданович).

В ожидании суда прошло два года, большею частью в тяжелых условиях заключения при московских полицейских частях. Каковы были эти условия, показывает то, что М. Субботина получила туберкулез и после суда вскоре умерла; Георгиевский делал попытку разбить себе голову об стену; А. Топоркова делала попытку отравиться спичками, а Каминская безнадежно заболела психически.

Суд, происходивший в Петербурге, продолжался от 21 февраля 77-го года до 14-го марта. Необычайность процесса заключалась в том, что, как уже сказано, это было первое дело о «хождении в народ»; мало того, в народ ходили, поступая на фабрики, молодые девушки обеспеченных семей, учившиеся притом в заграничном университете [2]. Явле-

[1] Из которых Евгения была энергичной пропагандисткой.

[2] По сословиям из 50 подсудимых: 24 принадлежали к дворянам; 7 чел.—к духовному званию; 3—к потомств. почетным гражданам; 4—к мещанам и 10 чел. были крестьянами-рабочими; 1—технич. мастером 1 разряда и 1—австрийским подданным.

По имущественному состоянию: из женщин 3 Субботины были очень богатыми помещицами Курской и Орловской

ние было необычайное не только для посторонней публики, но и для самих барышень-работниц. В литературе сохранился интересный рассказ одного из судившихся—Джабадари—о том, как он и Грачевский, по их собственному выражению, «сдавали» Каминскую на московскую фабрику Моисеева[1].

В гостинице на Трубном бульваре были заняты два номера: один для Евг. Субботиной и Каминской, другой для Джабадари и Грачевского. Там Каминская должна была переодеться в рабочее платье, а мужчины проводить ее до фабрики. В три часа ночи Субботина постучала им в стену, и те отправились к ней в комнату. Там они увидели Каминскую в деревенском платье с широкими рукавами, с бусами на шее и платочком для головы. «Ведите скорее Бетю», сказала Субботина, обняла ее и заплакала... Казалось, барышню ведут на казнь или же расстаются, провожая под венец. Долго шли трое путников в морозную ночь до тряпичной фабрики, у ворот которой уже толпились работницы. Сторож обыскивал каждую. В первую минуту Каминская отпрянула, но, собравшись с духом, дала себя обыскать. Уже через час Грачевский пошел проведать Бетю, неся в платочке связку баранок, и рассказывал, как Бетя обрадовалась, что ее так скоро навестили. Ее появление на фабрике, как характеризовал потом один рабочий, походило на появление среди них ангела,

---

губ., Батюшкова—дочь д. ст. сов.—владела капиталом в 40 т. руб.; 2 Любатович были дочерьми московского фабриканта; Александрова — дочь московского купца; Хоржевская—дочь одесского домовладельца; Бардина, Л. Фигнер, Туманова—дочери землевладельцев. Из мужчин князь Цицианов обладал на Кавказе обширными землями.

[1] Надо сказать, что мужчины были против поступления женщин на фабрики, считая, что подобный труд превышает их силы, а внешность не соответствует положению.

а сама Бетя, похудевшая и побледневшая, но сияющая, рассказывала в ближайшее воскресенье в восторженном возбуждении о впечатлениях, вынесенных ею.

Можно себе представить, как было интересно для сановников за креслами судей и для учащейся молодежи, жаждавшей попасть на хоры, хотя бы поглядеть на предприимчивых девушек, увлеченных идеей единения с людьми физического труда. Молодежи на короткое время удалось-таки проникнуть в зал заседаний: типография Аверкиева позаботилась об этом. В ней напечатали фальшивых билетов подстать настоящим, и желающие расхватали их. Так, вместо небольшого числа родственников, имевших доступ на заседания, скамьи хоров понемногу заполнились молодыми фигурами обоего пола. Зоркий глаз пристава вскоре заметил этот наплыв необычайной публики; тотчас произвели проверку билетов; фальшь была немедленно открыта, все счастливцы обысканы в соседней комнате и в сопровождении городовых препровождены на квартиры для удостоверения личности. Между попавшимися были тогдашние землевольцы Александр Михайлов и Валериан Осинский. Последнему пришлось по этому поводу даже просидеть несколько дней в Доме предварительного заключения. Но он был в восторге, рассказывал о виденном на суде и говорил, что он влюбился в подсудимых. Таково же было впечатление всех других лиц, побывавших на заседаниях.

Известно, что, начиная с 70 годов возраст судившихся по государственным преступлениям все время повышался. В данном случае лишь человека 3—4 (исключительно мужчин) были в возрасте 30 лет. Остальные имели от 20 до 25 лет, а на вид были еще моложе, особенно женщины. Они были рассажены рядком на передних скамейках на правой

(от судей) стороне зала и представляли настоящий цветник. Молодые, миловидные личики невольно привлекали взгляды: трогательной, одухотворенной красотой сияла самая любимая подруга—Лидия Фигнер; виднелись шапка темных кудрей Бардиной с ее оригинальным лицом и улыбкой и красивая головка Медведевой; одна подле другой сидели три Субботины, которых студенты-швейцарцы, в отличие от всех нас, называли ласкающим «Schmetterlinge» (бабочки), и в огромных синих очках, с вызывающим видом, бросалась в глаза О. Любатович. Казалось, они сидят в университетской аудитории и слушают лекцию какого-нибудь маститого профессора, а не в особом присутствии сената, которое своим приговором изломает их жизнь.

Суд, как суд: допросы, бесцветные, путанные показания свидетелей... Из них одно особенно запомнилось мне.

На скамье подсудимых, затерявшийся среди других лиц, сидел бледножелтый, очень худой блондин, медик, студент последнего курса, Рождественский, служивший в больнице на Кавказе. Свидетелями были его сослуживцы и больничные пациенты, и показания их были самые хвалебные: его превозносили, как самого гуманного и заботливого врача. Показания были таковы, что Рождественский оказался одним из трех, вышедших из суда оправданным [1].

Действительно, по моральным качествам он был исключительной личностью — альтруист до мозга костей, он был предан революции преданностью чисто религиозной. Однако и оправданный он не был избавлен от дальнейших преследований: его

---

[1] Двумя другими были: крестьянин Остров и почетный гражданин Сбромирский.

отправили в административную ссылку в Архангельск [1].

Политическая защита процесса стояла на высоте не меньшей, чем в период реакции после революции 1905 г. Бардовский, Боровиковский и всеми уважаемый старший товарищ их Герард стояли во главе ее и задавали тон. К ним примыкал А. А. Ольхин, преданный сторонник революции. Шаг за шагом они разбивали обвинение: главной и иногда единственной уликой против многих была передача революционной литературы. И кому же? не посторонним лицам, а друг другу! Это трактовалось, как распространение нелегальных изданий с целью ниспровержения существующего строя. При чем прокурор считал всех подсудимых членами одного и того же революционного сообщества! Натянутость такого обвинения была выявлена полностью. Все речи защитников были проникнуты глубоким сочувствием к подзащитным. Среди адвокатов был и Спасович. Он не пользовался среди нас популярностью: все помнили его участие в процессе нечаевцев, когда в видах защиты он умалял достоинство своих клиентов. Так и тут, в своей речи он сравнивал Веру Любатович со щепкой, которая пассивно уносится разливом большой реки...

Чистота побуждений подсудимых, их молодость, неопытность и вместе с тем убежденная решимость итти по новому пути производили на всех присутствовавших чарующее впечатление. Ничто

---

[1] После суда Рождественский энергично принялся за сбор книг для заключенных и собрал такое количество, что мы решили открыть библиотеку для Дома предварительного заключения. Библиотека была открыта на Петербургской стороне; в качестве библиотекарей я привлекла Ник. Вас. Караулова (брата будущего шлиссельбуржца) и его жену. Они самоотверженно безвозмездно много лет обслуживали ее.

не омрачало поведения подсудимых; оно было безукоризненно: себя не щадили — товарищей всячески выгораживали. Один только молодой парень Ковалев, выдавший Ольгу Любатович, по своей глупости нарушил общий тон; но и он с первых же слов отказался от всех прежних показаний и каялся в преступлении, сделанном по легкомыслию.

Моментом наивысшего интереса было, как всегда, «последнее слово» подсудимых. Тут во всем блеске развернулась тонкая интеллигентность С. Бардиной и мощная энергия рабочего Петра Алексеева. Сначала говорила Бардина. Она была как бы представительницей той интеллигентной молодежи, которая сидела на скамье подсудимых, и произнесла строго обдуманную, логически построенную речь, во многих частях очень остроумную. Центральным местом ее было опровержение общего обвинения против подсудимых, что они разрушают священные основы собственности, семьи, религии и государства, возбуждают к бунту и стремятся водворить анархию.

«Все это было бы ужасно, — говорила Бардина, — если бы было справедливо. Но дело в том, что все эти обвинения основаны на одном только недоразумении». Далее она доказывала, что собственность она не только признает, но и защищает, так как, по ее убеждению, каждый человек должен быть полным хозяином своего труда и его продукта. «Я ли подрываю основы собственности, — спрашивала она, — или фабрикант, который платит рабочему за одну треть его рабочего дня, а две трети берет себе? Или спекулянт, который, играя на бирже, обогащается, не производя ничего?».

«Относительно семьи — подрывает ли ее тот строй, который гонит женщину на фабрику и на

проституцию, или мы, — спрашивала она, — которые стремимся искоренить нищету — эту главную причину всех общественных бедствий, в том числе и разрушения семьи?».

«Относительно религии, — я всегда оставалась,— говорила она, — верна духу ее и принципам в том чистом виде, в каком они проповедывались основателем христианства».

«В подрывании основ государства я так же мало виновата, — продолжала она.—Думаю, что усилия единоличных личностей подорвать государства не могут, а если они разрушаются, то от того, что сами в себе носят зародыши разрушения, держа народ в политическом, экономическом и умственном рабстве».

«Меня обвиняют в возбуждении к бунту, но я полагаю, что революция может быть только результатом целого ряда исторических условий, а не подстрекательства отдельных личностей»...

Невозможно передать все содержание речи — ее надо прочесть. Речь была произнесена с необыкновенным спокойствием, без громких фраз и жестов, скромно, сдержанно, с таким тактом, что свирепый председатель Петерс лишь раз пытался остановить ее. Она говорила с такой рассудительностью и убежденностью, с какой говорила в Цюрихе, когда ходила со мной по коридору дома, купленного русскими студентами, и об'ясняла трудовую теорию Маркса, рассеивая мои недоумения насчет социализма. Эта речь произвела громадное впечатление как своим содержанием, так и тоном, полным твердости и иронии.

Но вот встал Петр Алексеев. Высокая, несколько сухощавая фигура в белой с тонким пояском крестьянской рубахе навыпуск — настоящий мужик из деревни. Голова с темными волосами, серые глаза, смуглое лицо с неправильными чертами,

с чисто славянским носом. Начало речи с описанием детства, тяжелого труда с раннего возраста, а потом в условиях работы на фабрике, было произнесено ровным, спокойным голосом с оттенком грусти, но мало-по-малу голос крепчал, все более и более возвышался и перешел, наконец, в громовые ноты, когда дело доходит до освобождения 1861 года и последующего закрепощения у капиталистов. «Русскому рабочему остается только надеяться на самого себя и ни от кого не ждать помощи, кроме одной интеллигенции», — с энергией говорит он. Председатель вскакивает и кричит: «Молчите! Замолчите!» но Петр Алексеев, возвышая голос, продолжает: «Она одна братски протянула нам руку. Она одна откликнулась, подала голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значили и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина... И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (поднимает почти до локтя обнаженную руку) поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда»... Председатель волнуется, вскакивает с места и кричит: «Молчать! Молчать!». Но Петр Алексеев с силой заканчивает: ... «и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!».

Присутствующие взволнованы, потрясены... Крики председателя усиливают впечатление...

Речь П. Алексеева была хорошо подготовлена и произнесена с одушевлением. Джабадари рассказывает, что в один из перерывов товарищи упросили Алексеева сделать репетицию и произнести речь пред ними.

Содержание было одобрено товарищами по заключению. У Ольхина — защитника Петра — видела подлинник речи; с орфографическими ошибками, она была написана крупными корявыми буквами, какими пишут крестьяне, научившиеся писать взрослыми. Говорили и другие рабочие: Семен Агапов сказал небольшую искреннюю, вполне литературную речь. Хороша была речь и третьего оратора из рабочих — Филата Егорова, наружностью похожего на старообрядца. Его красивая широкоплечая фигура в длиннополом синем кафтане хорошо гармонировала с речью от священного писания.

Все эти выступления, порывистые и спокойные, простые и теоретические, выявили как нельзя лучше духовный облик участников процесса. Ни один процесс не был таким стройным, ни в одном не было такой идеалистической цельности, как в этом. Восхищалась учащаяся молодежь, читавшая нарасхват отчеты и речи подсудимых, напечатанные в типографии Аверкиева. И на сановников в креслах за судьями сцены суда произвели впечатление: канцлер, князь Горчаков, по слухам, говорил, что правительство сделало ошибку, допустив этот суд, так как, вместо посрамления социалистов, он имел противоположное действие. В самом деле, это было так. Флигель-ад'ютант его величества Кладищев просил передать, что если будет предпринята попытка освобождения женщин, то он дает 10 тысяч рублей на это. Какой-то генерал, тронутый личностью Л. Фигнер, передал родным предложение своих услуг в деле снабжения ее всем нужным. Защитник Бардовский передал мне 900 р. на нужды осужденных, а жена доктора Белоголового вручила 800 рублей на ту же цель. Боровиковский, совершенно плененный образом женщин, написал стихотворение, посвященное Л. Фигнер:

«Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский»..., ходившее во множестве экземпляров по рукам. В видах конспирации мы выдавали его за стихотворение Бардиной, которая в заключении писала стихи. Жена писателя Елисеева, редактора «Отеч. Записок», передала мне от Некрасова, лежавшего тогда на смертном одре, стихотворение, обращенное к судившимся по «процессу 50».

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие.
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все доброе косится...

Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются.

Стихотворение Полонского: «Что она мне? — Не сестра, не любовница»[1], которое многие относят к Перовской, датировано 1877 годом и, по всей вероятности, относится к моей сестре Лидии[2].

Приговор отправлял на каторгу от 5 до 10 лет 9 мужчин и 6 женщин: Бардину и О. Любатович на 9 лет; Веру Любатович на 6 лет; Александрову, Хоржевскую и Л. Фигнер на 5 лет. Боровиковский, который за время суда постоянно видался со все-

---

[1] Все эти стихотворения неоднократно перепечатывались. Их можно найти хотя бы в сборнике Н. Бродского и В. Львова-Рогачевского „Красный Декабрь", изд. „Колос". 1926 г.

[2] Процесс нашел отклики и за границей. Кроме переписки И. С. Тургенева с Рольстоном, в которой говорится об этом деле, Леруа-Больe, совершивший с 72-го по 81-й год три путешествия в Россию, пишет о нем в книге «L'empire des Tsars et les Russes", сочувственно отзываясь о подсудимых.

ми «фричами» и успел хорошо узнать их, не мог и не хотел примириться с мыслью, что эти девушки пойдут на каторгу, и настаивал на кассации. «Фричи» энергично отказывались, они не хотели никаких смягчений. Но Боровиковский был неутомим и так настойчиво добивался согласия, что они, не веря в успех, наконец, уступили. Тогда Боровиковский, хорошо знавший, что сенат по политическим делам никогда не удовлетворяет жалоб, поднял агитацию среди сенаторов и действовал с такой энергией, что, к всеобщему удивлению, кассационная жалоба была уважена. Ни одна из женщин не пошла на каторгу: для одних она была заменена ссылкой на поселение, для других — на житье. Приговор для мужчин был тоже смягчен, но в гораздо меньшей степени. П. Алексеев, Джабадари, Цицианов, Чехоидзе, Кардашев и Гамкрелидзе были отправлены в Харьковский централ, в котором пробыли до осени 80-го года. Там Цицианов сошел с ума.

Так кончился этот во многих отношениях замечательный процесс.

Какова была дальнейшая участь женщин этого процесса? В настоящее время в живых остаются четыре: А. Топоркова (по мужу Горева), Евг. Субботина (по мужу Козловская), Надежда Дм. Субботина (по мужу Зубок-Мокиевская) и Ек. Туманова (по мужу Зелинская).

Трагическая судьба постигла двух виднейших участников этого дела: Бардина бежала из г. Ишима в 79 г., во времена «Народной Воли», и мы надеялись, что она будет с нами. К сожалению, я была в то время на юге и не виделась с ней. Пробыв некоторое время в Казани, она уехала за границу, проживала в Женеве и там застрелилась. Ее сломила и политическая, и личная неудача. Программу «Народной Воли» она не смогла при-

нять целиком; между психологией революционера 74—75 г. г., воспитанного на учении социалистов-утопистов, и боевым настроением народовольцев 79—80 г.г. лежала пропасть, и она не могла перешагнуть ее, а жить без духовного удовлетворения она не могла.

Без внутренней трагедии жестокая смерть унесла Петра Алексеева. По выходе на поселение, в Якутской области, по дороге к товарищу он был убит двумя якутами, подозревавшими, что у него есть деньги. Эти якуты сложили потом песню о нем — о богатыре, убитом двумя другими богатырями, которые никогда никому не скажут, где он пал.

Эта песня выдала их, и они были преданы суду [1].

Из других женщин этого процесса всем известна трагическая смерть участницы процесса 1-го марта 81-го года Геси Гельфман, которую не казнили с первомартовцами по случаю ее беременности, но отняли родившегося в тюрьме ребенка... Горе после родов убило ее.

И, наконец, покончила самоубийством в Сибири А. Хоржевская, вышедшая замуж за одного из самых выдающихся старейших революционных деятелей, Феликса Волхонского, который был нечаевцем, чайковцем и, наконец, народовольцем.

Когда в 1872 г. мы, цюрихские студентки, еще не испытавшие ни политических бурь, ни личных неудач, образовали «женский ферейн» с наивной целью в отсутствии мужчин научиться «логически говорить», по странной случайности, темой первого доклада на общем собрании был вопрос о самоубийстве, и горячие прения возбудило обсуждение, можно ли считать нормальным состояние человека, решающегося на самоубийство.

---

[1] Эта песня приведена в статье Э. К. Пекарского: Рабочий Петр Алексеев. „Былое", 1922 г., № 19.

Никто тогда не подозревал, что между горячо спорящими присутствуют 5 будущих самоубийц: С. Бардина, Хоржевская, Б. Каминская, Евг. Завадская и сестра писателя Д. Писарева—Гребницкая — все такие разные и тогда все такие жизнерадостные...

Всех измолола и всех сравняла жизнь.

Процесс „50-ти“.

(Библиографическая справка)

С. И. Бардина.—П. 1906 г. (загр. изд. 1883 г.).
Революцион. биография и речь на суде.

Богучарский В. (Ред.).—Государственные преступления в России в 19 в. Т. II. Рост. н/Д., 1906 г. (загр. изд.).
Полный стенографический отчет процесса и приговор.

Богучарский В. — Активное народничество 70-х г.г. М. 1912 г.
Гл. 10. Описание хождения в народ, отчет о процессе.

Бурцев В.—За сто лет. Лондон, 1897 г.
Стр. 89. Перечень осужденных и приговоры.

Бурцев В. — Календарь русской революции. П. 1917 г.
Стр. 58. Перечень осужденных.
Стр. 76. Речь П. Алексеева и С. Бардиной.
Стр. 139. Портрет С. Бардиной.

Волховский Ф.—Ткач П. А. Алексеев. П. 1906 г.
Воспоминания, биография и речь на суде.

„Вперед“—журн., изд. П. Лавровым. Лондон, 1877 г. Т. 5, стр. 141. „Что делается на родине“.

Глинский Б.—Революционный период русской истории. П. 1913 г.
Ч. 2. стр. 66 и след. Добросовестное описание официального историка. Портрет П. Алексеева.

„Две речи“ с предисловием Г. Плеханова. П. 1906 г. и 1918 г.
Речь П. Алексеева на суде.

Дейч Л.—Полувековые юбилеи. Группа „Освобождения Труда“, сб. № 4. М. 1925 г.
Стр. 65. Хождение в народ и процесс 50-ти.

Джабадари И.—Процесс 50-ти. „Былое“ 1907 г. №№ 8, 9, 10.
Подробные воспоминания участника процесса. Портреты П. Алексеева и 14-ти женщин.

Коваленский М.—Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М. 1924 г.
Т. I. Извлечения из офиц. отчетов и мемуаров.

Лавров П.—Социалистическое движение в России. „Каторга и Ссылка“. 1925 г. № 1.
Стр. 46 и сл. Общие выводы о значении процесса 50-ти.

Лукашевич А.—В народ! „Былое“ 1907 г. № 3.
Подробный рассказ участника о революц. кружках, из которых вылился процесс 50-ти. Портреты С. Бардиной и А. Франжоли.

Майнов И.—П. А. Алексеев. М. 1924 г.
Революционная биография героя процесса 50-ти.

Пекарский Э.—Рабочий Петр Алексееев. „Былое“. 1922 г., № 19.
Воспоминания о П. Алексееве товарища по каторге. В примечании—библиография о П. Алексееве.

„Первая русская социалистическая газета „Работник“. „Былое“ (загр.) № 5. Отд. изд.—Рост. н./Д. 1906 г.

Покровский М.—Русская история. М. 1922 г.
Т. 4-й. „Социализм 70-х г.г.“—статья общего характера.

„Процесс 50-ти“ — изд. „Вперед“. Лонд. 1877 г.
Описание речи подсудимых.

„Процесс 50-ти“ с предисловием и п/ред. В. Калаша. Изд. Саблина. М. 1907 г.
Подробный отчет по офиц. материалам.

„Пятидесяти процесс“—Большая Энциклопедия, п/ред. Южакова.
Т. 22, стр. 386. Обстоятельная статья общего характера.

Стеклов Ю.—Борцы за социализм. М. 1918 г.
Т. II. „Русский ткач П. Алексеев“. Революционная характеристика.

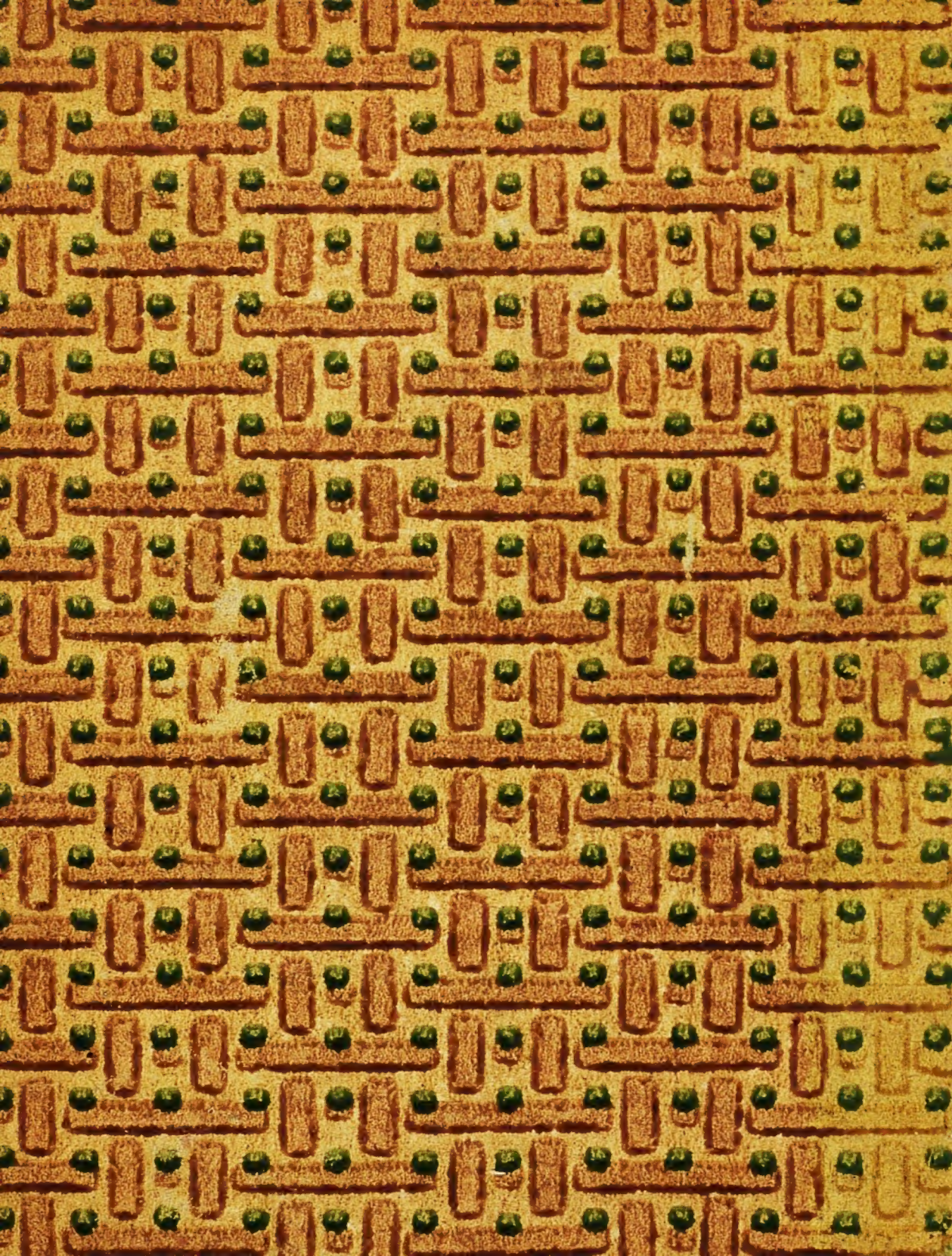
Тун А.—История революционного движения в России. П. 1920 г.
Стр. 130-144. Описание революционной пропаганды и процесса 50-ти.

Ульяновский А.—Женщины в процессе 50-ти. П. 1906 г.

Цена 15 коп.

18811

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

1) Правление и склад Издательства Политкаторжан, Москва-34, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазин „МАЯК“, — Москва-Центр, Петровка, 7; тел. 3-63-20 и 4-18-12